

"ОБРАЗЫ ИТАЛИИ" П.П. МУРАТОВА

Перед читателем книга, которая в буквальном смысле стала настольной не для одного поколения русской интеллигенции. Первые два тома вышли в 1911-1912 гг., третий том был выпущен в Германии уже во время расставания автора с Россией.

Павел Павлович Муратов (1881-1950) - один из самых талантливых представителей русской культуры. Он известен как писатель, историк, искусствовед и издатель. "Образы Италии" - соединение всех его талантов в единое целое, которое можно определить как талант видеть и ценить прекрасное в жизни, тонко чувствовать и наслаждаться образами искусства.

П.П. Муратов родился в южной части Воронежской губернии в небольшом городке Боброве. Отец его был военным врачом. После обучения в кадетском корпусе, Павел Муратов поступил в санкт-петербургский Институт путей сообщения и получил диплом инженера. Обстоятельства сложились так, что в 1903 году Муратов приехал в Москву, и в Москве он жил в семье брата, офицера генерального штаба, в самом центре на Арбате, у Никитских ворот. Атмосфера художественной и политической жизни столицы захватила молодого и талантливого человека. Муратов устроился на службу в Библиотеку Московского университета, а позже стал хранителем отдела изящных искусств и классических древностей Румянцевского музея, затем стал сотрудником Исторического музея. Школа знаточества, которую П.П. Муратов прошел в Румянцевском музее, воспитала в нем исключительный вкус, тонкий и верный взгляд, а работа в Историческом музее дала твердое основание его историческому образованию, воспитала в нем умение видеть историческую перспективу и объемно представлять каждое явление культурной и исторической жизни. Большую роль в его судьбе сыграло его первое путешествие в Париж. П.П. Муратов открыл для себя Сезанна и постимпрессионистов. А в 1908 году он впервые попал в Италию.

Италия была, пожалуй, главной любовью этого необыкновенно умного и тонкого знатока европейской культуры. Вслед за Пушкиным, мечтавшим увидеть "Италию златую", Баратынским, рвавшимся душой "к гордым остаткам падшего Рима", за Герценом, испытывавшим благоговение перед Римом, за Гоголем, писавшим, что "вся Европа для того, чтобы смотреть, а Италия для того, чтобы жить", и другими русскими, навсегда слившимися душой с великой культурой замечательной страны, П.П. Муратов повествует о своей верной любви к Италии, о том как ему дороги и Венеция с ее гондолами, и "великолепный холод Уффиций, и жар простых сельских дорог Сеттиньяно и Фьезоле".

С восторгом истинного поэта он признается в своем восхищении перед всем, что связано с образами Италии: "Своей ногой ступал я однажды на камни Испанской лестницы, своим лицом чувствуя горячие веяния сирокко! Своей рукой срывал розы на склонах Монте Берико, в оградах палладианских вилл и своими пальцами ощущал тонкую пыль, осевшую на тяжелых гроздьях и виноградниках Поджибонси или Ашьяно".

Однако книга П.П. Муратова дорога нам не только как опыт движения его жизни в жизненной стихии Италии, но и как раскрытие всей сущности итальянской культуры в ее развитии. Как человек, наделенный необычайно точным и верным эстетическим чувством, П.П. Муратов заново открывает для читателя Джотто и Мантенью, Мелоццо да Форли и Бенноццо Гоццолли. Как удивительно прочитывает он творчество Витторе Карпаччо! Кто еще так написал о прекрасном венецианском утре, проведенном перед рыцарским великолепием сцены "Святого Георгия", перед романтическим очарованием пейзажей, открывающихся сквозь окна в сценах цикла "Святой Урсулы"! А описание венецианского быта! В 1514 году, когда Карпаччо создавал свои прославленные картины, венецианский сенат решил обложить налогом всех куртизанок, и по переписи их оказалось ни много, ни мало, а около одиннадцати тысяч. "Чтобы нарядить и убрать всех этих женщин и всех патрицианок, сколько нужно было золота, сколько излюбленного венецианками жемчуга, сколько зеркал, сколько мехов, сколько кружев и драгоценных камней! Никогда и нигде не было такого богатства и разнообразия тканей, как в Венеции XVII века. В дни больших праздников и торжеств залы дворцов, церкви, фасады домов, гондолы и самые площади бывали увешаны и устланы бархатом, парчой, редкими коврами. Во время процессий сотни гондол бывали покрыты алым шелком". А вот определение роли государства в той же прославленной Венеции: